

Marian Schwartz: From Berberova to Slavnikova: My Decades Translating Russian Women

Boston University Lecture Series in Literary Translation, April 3, 2020

Lecture handout

Works cited:

Nina Berberova, "The Tattered Cloak" and "The Waiter and the Slut," in *The Tattered Cloak and Other Novels* (New Directions, 2001).

Nina Berberova, *The Revolt* (Collins, 1989).

Olga Slavnikova, *2017* (Overlook Press, 2010).

Olga Slavnikova, *The Man Who Couldn't Die: The Tale of an Authentic Human Being* (Columbia University Press, 2019).

I. Nina Berberova, "The Tattered Cloak" (Плач):

то случилось так, что в два месяца изменилась вся наша жизнь и изменились мы сами.

Была квартира в Ротах, была прислуга, без присмотра которой меня не выпускали на улицу; был чудаковатый отец и неслышная, нездоровая, какая-то неживая от всех своих долгих болезней мать; была видимость семьи и борьба за существование. И вдруг все опустело, выцвело, смерклось.

In the space of two months our whole life changed, and so did we.

There had been a modest but comfortable apartment, a maid who never let me out the door without inspecting me first, my eccentric father, and my soft-spoken, invalid mother, who seemed barely alive after all her protracted illnesses. There had been the family's good name and its struggle to survive. And suddenly all of that was gone, all the color and light.

and later:

Представим себе человека, которого наконец домчали на луну. Он ждет, что увидит пустыню, величественную и грозную, увидит мертвые горы, каменные провалы, особенное небо. И вдруг он замечает, что перед ним все та же оштукатуренная стена соседнего дома, идет дождик, во дворе дурно пахнет... Когда я выглянула в окно парижского своего жилища, мне показалось, что здесь все совсем то же, что и у нас в Ротах: окраинный дух большого города, со множеством нищих, главным образом женщин, да еще старух;

Imagine that a man has landed on the moon. He's expecting to see a majestic and menacing wasteland, dead mountains, stone chasms, a special sky. And suddenly he notices that he's looking at the stucco wall of his neighbor's building, it's raining, and the courtyard stinks. When I looked out the window of our Paris apartment it seemed to me that everything was exactly as it had been at our old place: that feeling of being on the edge of a big city along with a multitude of poverty-stricken people, chiefly women, and chiefly old women at that; ...

II. Nina Berberova, “The Waiter and the Slut” (Лакей и девка):

Она была дочерью петербургского чиновника, дослужившегося до действительного статского советника, человека с узким, длинным лицом, подозрительного, болезненного и всегда всем недовольного. Мать ее была женщина до такой степени схожая с женами других петербургских чиновников, что когда она умерла, Танька, которой шел пятнадцатый год, в памяти своей уже не могла отличить ее от других дам, бывавших в доме, больно бравших ее за подбородок, говоривших друг с другом — истерически хохоча и ненатурально играя лорнетками — о прислугах, Гостином дворе и благотворительных комитетах.

She was the daughter of a Petersburg bureaucrat who had risen to the rank of full councillor of state—a distrustful, unhealthy, and discontented man with a long, thin face. Her mother was so like the wives of other Petersburg bureaucrats that after she died Tania, who was nearly fifteen, was unable to distinguish in her memory between her and all the other ladies who used to visit, pinch Tania’s little chin, and chat—shrieking with laughter and toying with their lorgnettes—about their servants, the shops, their charity committees.

and later

Сто пятьдесят франков — одну бумажку в сто и пятьдесят мелочью — она взяла займы у Надьки в тот же вечер, поужинала у нее, выслушала поток хвастливого вранья, сама ответила тем же и с утра, истратив франка три на еду, стала думать, что ей делать. У нее дрожали руки, когда она пересчитывала деньги. У нее было два проекта, и один исключал другой. Первый был: купить на эти деньги револьвер, нажраться и застрелиться. Второй был: пойти к парикмахеру, завиться, сделать педикюр, одеться к лицу и ехать обедать, да так, чтобы непременно кто-то другой заплатил за нее и чтобы выйти из ресторана вдвоем.

That same evening Tania borrowed a hundred and fifty francs from Nadia.... She had two plans, and one precluded the other.

The first was to buy a gun with the money, gorge herself, and then commit suicide. The second was to go to the hairdresser, get her hair done, have a pedicure, put on a becoming dress, and go somewhere to eat—but so that someone else was sure to pay for her and they left the restaurant together.

III. Nina Berberova, *The Revolt*

В день взятия Парижа, в часы, когда немецкая армия проходила его с северо-востока на юго-запад, жизнь у нас в квартире продолжалась — как, между прочим, продолжалась она и во многих других местах города: кое-какие кинематографы были открыты, и метро не остановилось ни на минуту. Странно было позже себе представлять этот день: вражеская армия берет столицу, а под землей мчатся поезда, в Национальной библиотеке кто-то сидит над эстампами, и мы, Дмитрий Георгиевич и я, завтракаем яичницей, салатом и сыром, заплаканная прислуга ходит из кухни в столовую и обратно; мы оба молчим, но, может быть, не больше, чем мы молчали вчера или третьего дня. И китайский богдыхан, положив вилку, подходит к окну и смотрит на улицу, на густые деревья бульвара де Курселль, под одним из которых немецкий солдат остановился для естественной надобности.

On the day of Paris’s capture, while the German army was traversing it from north-east to south-west, life in our apartment went on—as it did, by the way, in many other parts of the city: several cinemas stayed open, and the Metro didn’t stop for a minute. It was strange, later, to picture that day: an enemy army taking the capital while underground the trains are speeding; in the Bibliothèque Nationale someone is sitting over some engravings; and we, Dmitrii Georgievich and I, are lunching on fried eggs, salad, and cheese, while the teary-eyed maid walks

from the kitchen to the dining-room and back; both of us silent, but perhaps no more so than we had been yesterday or the day before. And the Chinese emperor, putting his fork down, goes over to the window and looks out at the street, at the dense trees of the Boulevard de Courcelles, under one of which a German soldier has stopped to answer nature's call.

and later:

Там шла артиллерия, шли цыганские таборы, грузовики, нагруженные гроссбухами (а на них сидели бледные бухгалтеры, эвакуируя банк, основу государства); там шагали пешеходы, ехали велосипедисты, двигалась расстроенная кавалерия на легких лошадях, вперемешку с першеронами, впряженными в длинные телеги, на которых стояли швейные машины, утварь, мебель, бочки. Высоко на скамье сидели старухи, и в автомобилях сидели старухи, мертвенно-бледные и простоволосые; старухи шли пешком, некоторых вели под руки, и опять шли войска, везли старенькие пушки, великолепный, пустой красный крест шел следом за гоночной машиной, из которой свешивалась лопухая собака, похожая на мех. Потом везли раненых, и некоторые уныло сидели, держа в руке собственную ногу или руку, обрубок, из которого капала на дорогу кровь. Других рвало пустотой и слюной. Везли сено, немолоченную пшеницу, уходили заводские станки и цистерны с нефтью, и до горизонта был виден этот странный, живой и уже мертвый поток.

There were artillery, gypsy caravans, trucks loaded with ledgers (and on them sat pale bookkeepers, evacuating the bank, the foundation of the state); people on foot, on bicycles, broken-rank cavalymen on light horses interspersed with Percherons harnessed to long wagons carrying sewing machines, kitchen utensils, furniture, barrels. And high above all the goods and chattel were perched old women, deathly pale and bareheaded, some old women rode in cars, while others went on foot, alone or supported by the arm. Troops hauled decrepit cannons, and an empty van surmounted by a magnificent red cross followed behind a sports car out of which leaned a lop-eared dog that looked like a soft toy. Then came the wounded, some of them sitting despondently, holding onto their own leg or arm, a stump that dripped blood on the road. Others vomited air and saliva. People carried hay, unthreshed wheat, factory lathes, tanks of oil. And this odd stream could be seen all the way to the horizon, living and yet already dead.

IV. Olga Slavnikova, 2017:

То были жители прошлого века, еще не забывшие подлинный, соленый и горелый вкус Истории. Пенсионеры, торговцы газетами и поддельными телефонными картами, мелкие мошенники, артисты пригородных электричек, дряхлые клязники, фальшивомонетчики-надомники, преступники уже потому, что продолжали существовать и помнить какой-то другой, иначе устроенный мир, они упрямо волокли негнущиеся ноги, их лица напоминали вывернутые наизнанку мятые карманы.

These were the old men and women in their shaggy wet coats, granddads in quilted camouflage and worn, plywood-like coats; some were hobbling like ungainly birds that for some reason had decided to go on foot. These were people from a bygone era who had not forgotten the genuine, salty, scorched taste of History. Pensioners, sellers of newspapers and counterfeit phone cards, petty swindlers, commuter train performers, decrepit shysters, home-based counterfeiters, and criminals if only because they continued to exist and remind people of another, otherwise-arranged world, they stubbornly dragged their stiff legs, and their faces looked like rumpled pockets turned inside-out.

V. Olga Slavnikova, *The Man Who Couldn't Die*:

Этот ежедневный труд давался таким напряжением сил, что порою Нина Александровна долго пересидела накачанную в голову тугую черноту, дававшую почувствовать, как в действительности непрочны попискивающие за ушами крепления черепа.

This daily effort took such exertion that sometimes Nina Alexandrovna had to sit out the taut blackness that pumped into her head and made her feel how flimsy the skull's bindings creaking behind her ears really were.